Аграрная структура: исторические тенденции и перспективы развития в России

Академик РАСХН И.Н.Буздалов

Аграрная структура: исторические тенденции и перспективы развития в России

Социальная структура сельского хозяйства, включающая в себя формы собственности, типы хозяйств, их оптимальные соотношения, размеры и т.д. - одна из фундаментальных проблем аграрной теории, экономики и организации сельскохозяйственного производства. В мирохозяйственных процессах развития аграрной структуры прослеживаются как общие закономерности и факторы ее определяющие, так и многообразие различий, связанных или с объективными условиями, или являющиеся следствием субъективных решений в проведении аграрной политики. Задачи экономической науки выявлять закономерности и объективные тенденции структурных сдвигов в аграрной сфере, вскрывать и критически оценивать искусственные наслоения, нарушающие эволюционный процесс развития и качественного совершенствования социально-экономических отношений в деревне.

Проводимая в стране экономическая реформа, ее результаты и последствия свидетельствуют об особой актуальности формирования и развития адекватной новым условиям социальной структуры сельского хозяйства, так как речь идет о том, в какой социально-экономической среде, в какой форме хозяйства будет жить и заинтересованно трудиться крестьянин - главная производительная сила аграрного строя. Реорганизация колхозов и совхозов, проведенная мерами “шоковой терапии” вызвала больше вопросов, чем дала ответов по существу решения этой фундаментальной проблемы.

Многообразие форм хозяйства, право выбора их работниками бывших огосударствленных сельскохозяйственных предприятий - положительное явление, отражающее демократический характер преобразований. К настоящему времени аграрная структура, пройдя коренную реорганизацию трансформировалась в новые типы хозяйств и в соотношении этих типов в целом стабилизировалась. Преобладающими однако остались крупные хозяйства, но основанные уже на частной собственности (преимущественно в коллективных формах ее использования). Прогнозы о миллионах фермерских хозяйств пока не оправдались.

В 2001 г. из 27 тыс. сельскохозяйственных предприятий на долю колхозов приходилось 10% (в 1997 г. - 15, 7%), совхозов - 2,6% (в 1997 г. - 5,6%), сельскохозяйственных производственных кооперативов 43,3% (1997 г. - 21,5%). АО и ТОО занимали 26% (в 1997 г. - 38,4%), государственные унитарные предприятия 6,6% (в 1997 г. - 4,3%). На государственный сектор приходится менее 15% сельскохозяйственных земель, на сектор фермерских хозяйств 8,4%, на сектор хозяйств населения - 6,3%. Остальные земли (около 70%) находятся в распоряжении крупных сельскохозяйственных предприятий с коллективной формой частной собственности.

В научных исследованиях, в законодательных и исполнительных органах власти, да и в самой хозяйственной практике отношение к сложившейся социальной структуре весьма различно. Поскольку фермерский уклад не стал, как предполагалось массовым, а “остановился” на уровне 8-9% используемых земель и численности около 270 тыс. хозяйств, а большое количество земельных долей передано в уставные фонды крупных предприятий многие отдают приоритет этим предприятиям, хотя об их перспективах единого мнения нет. Вместе с тем (в основном “левыми”) ставится под сомнение приоритет института частной собственности, в том числе на землю, необходимость рыночного оборота сельскохозяйственных земель, расширение фермерского уклада.

Доводы нередко ограничиваются общими ссылками на “преимущества” крупного производства без четкого разграничения того, должно ли оно быть частным или по сути оставаться прежним коллективным, “колхозно-кооперативным”. При этом фактически в стороне остаются такие принципиальные вопросы аграрной теории и практики как вопрос о “пределах” преимуществ крупного производства (в связи с чем “свободно” возникают гигантские холдинги - латифундии, в которых реанимируются прежние методы хозяйствования и управления), вопрос об “устойчивости” мелкого производства. Неоднозначны оценки эффективности разных категорий хозяйств мелкого производства, особенно приусадебных семейных хозяйств.

Дискуссии по этим и другим принципиальным вопросам аграрной структуры, имеющим ключевое значение в стратегии и тактике дальнейшего хода реформ нередко носят характер схоластического теоретизирования, подкрепляемого политическими амбициями и гипертрафированными пристрастиями к культурно-историческим и психологическим особенностям, старым российским традициям и общинным порядкам, к “достижениям” искусственно создавшихся в советское время “маяков”, к современному зарубежному опыту от Израиля до Китая и т.д. Во многих случаях научная аргументация, основанная на учете общечеловеческих ценностей, на знании объективных закономерностей и “естественных”, эволюционных исторических тенденций развития аграрной структуры подменяются ссылками на взгляды и высказывания иногда крайне далеких от экономики авторитетов, включая представителей художественной литературы, вплоть до религиозно-философских воззрений и пророчеств. Из таких авторитетов прошлого особенно интенсивно “эксплуатируются” взгляды на аграрный или “крестьянский”

вопрос Л.Н.Толстого. Усердно цитируются также Н.А.Бердяев, Н.Г.Чернышевский, М.И.Туган-Барановский, Ф.М.Достоевский и многие другие писатели и философы, не забываются К.Маркс, В.И.Ленин. В итоге получается такое нагромождение аргументов и контраргументов, что надежда главного субъекта дискуссий - крестьянина - к какому берегу ему пристать, к какой форме хозяйства ему стремиться, чтобы быть уверенным в своем будущем во многом остается загадкой. Причем на местах, не спрашивая крестьянина или пользуясь слабым знанием людей их прав эту загадку решают часто прежними административными мерами или обещаниями, что "будет лучше".

Чтобы выйти из этого неопределенного и "войти" в законодательно четко регламентированное состояние аграрной структуры в ее научных исследованиях необходимо учитывать по крайней мере два принципиального характера обстоятельства: не увлекаться историей и авторитетами исторического прошлого, а главное - пытаться выявлять объективные закономерности хозяйственного развития, факторы, интересы, ценностные ориентации самих крестьян, предопределяющие выбор формы собственности, типа хозяйства и т.д. с общей ориентацией на наиболее привлекательные для каждого условия жизнедеятельности и на достижение в этих конкретных условиях наибольшего экономического эффекта.

История, естественно, многому учит, она, как принято говорить "повторяется". Но, во-первых, история содержит в себе много отжившего, наносного, явно порочного, вредного. Во-вторых, если она в основополагающих "здоровых" элементах повторяется, то это повторение происходит по возрастающей спирали, в новом качестве, с новыми для данного исторического этапа подходами и решениями. Выдающийся русский историк В.О.Ключевский, страстно призывавший изучать историю, извлекать из нее уроки писал, что "хотя в нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории" (Ключевский В.О. Из литературного наследия. М. Современник, 1991 г., с. 499).

Как и всякая наука историческая наука развивается и факты истории не могут быть истиной на все времена, кроме тех, которые отражают объективные, "естественные" закономерности эволюционного развития экономических процессов, в данном случае развития социальной структуры аграрного сектора. Поэтому опрометчиво, даже наивно предполагать, что, например, великий в российской истории писатель Л.Н.Толстой может привлекаться в качестве великого экономиста для подтверждения приемлемости его тезисов об "общности земли" и других взглядов на "крестьянский вопрос" к современным российским условиям, тем более сам писатель считал себя в этом вопросе ищущим, но "бессильным". То же самое можно сказать о взглядах многих других выдающихся представителей общественной мысли из исторического прошлого России. И почему надо доверять одному авторитету и отказывать в таком доверие другому, не удосуживаясь проанализировать, чьи взгляды подтвердились жизнью, а чьи остались абстрактными философскими прожектами? Возьмем, для примера, относящиеся к теме данной статьи взгляды лишь двух выдающихся представителей российской философской мысли, высланных из страны за неприятие большевистских экспериментов, в том числе над крестьянством: Н.А.Бердяева и И.А.Ильина.

В исходном пункте своего анализа форм крестьянской и вообще хозяйственной жизни Н.А.Бердяев ссылается с одной стороны на обширность России с ее "необъятными полями", а с другой - на вытекающий из этой необъятности менталитет общинного образа жизнедеятельности. При этом философ выдвигает утверждение, будто бы "русский никогда (подчеркнуто нами - И.Б.) не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым". Более того русскому вообще "присущ "государственный дар" покорности и смирения перед лицом авторитета общины" (Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1918 г., с. 73).

Индивидуализм, личный интерес Бердяевым не отрицается, поскольку пишет он "только это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства" (хотя, резюмирует философ, в этом "идеология буржуазного хозяйства"). "Другой принцип, - продолжает автор, - гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и ты получишь (!?) все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота. Совершенно ясно (подчеркнуто нами - И.Б.), что второй принцип отношения к хозяйственной жизни больше соответствует христианству, чем первый" (Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990, с. 151).

Два элементарных соображения заставляют сильно сомневаться в объективности и личной искренности изложенных постулатов хозяйственной деятельности, следовательно, ее форм и адекватной системы социально-экономических отношений. Н.А.Бердяев, доживший до 1948 года прекрасно был осведомлен о советской коммунистической "правоте" и получении "по-христиански" крестьянином всего того, "что нужно для жизни". Именно постулаты "второго принципа" в корне противоречат тому, что нужно для достойной жизни, совершенно не соответствуют интересам и праву личности на гражданские и экономические свободы, преграждают проявление его самостоятельной творческой инициативы. И что особенно важно отметить: биографические данные свидетельствуют о том, что сам Бердяев строго и последовательно придерживался первого принципа, т.е. индивидуализма и приоритета личного интереса.

И.А.Ильин и в личном плане, и в своих наблюдениях и глубоких обобщениях, будучи не меньшим чем Бердяев христианином в своих суждениях был более искренним и более объективным, поскольку следовал эволюционной теории хозяйственного развития по объективным законам природы и общества. В русском (а точнее, в советском)

коммунизме он видел не дух христианства, а дух революции и попрания этих законов. Коммунистическая русская революция, нацеленная на уничтожение личных, индивидуальных ценностей "была - подчеркивал Ильин - безумием и при том разрушительным безумием. Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний: оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект выработанный В.А.Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчетам экономистов к 1932 году в России не оставалось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П.А.Столыпина, 1906 г.).

К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них уже 4 миллиона дворов уже владело землей на праве частной собственности, а 8 миллионов числилось в общинной собственности. За 10 лет (1906-1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году.

Но революционные партии позвали к "черному переделу", осуществление которого было сущим безумием: ибо только "тело земли переходило к захватчикам", а "право на землю" становилось спорным, шатким, непрочным; оно обеспечивалось лишь обманно-будущими экспроприаторами, коммунистами.

Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее; мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовленный нажим большевиков начался немедленно вслед за черным переделом и длился 12 лет. Вслед за тем (1929-1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право".[1] А потому коммунистические идеи как это предвидел Ильин и в чем заблуждался Бердяев были заведомо "обречены на провал".

Разумеется, объективные закономерности эволюционного, т.е. "естественного" социально-экономического развития не представляют собой какого-то идеального и бесконфликтного, противоречивого выражения, "равного" пути без их замедленных или ускоренных по разным причинам темпов. В рамках общих фундаментальных принципов эти закономерности характеризуются различиями как во времени, так и в пространстве в зависимости от многих, часто неустойчивых факторов и конкретных условий. Крестьянство - единое социальное сословие с присущими ему общими признаками сельской жизнедеятельности, но ценностные ориентации, устремления, наклонности и т.д. его отдельных групп весьма дифференцированы. Если отбросить замшелое идеологическое, "классовое" обозначение этих групп (сельская беднота, среднее крестьянство, сельская буржуазия или по большевистской терминологии, чтобы одних натравить на других: бедняк, середняк, кулак), то их различия обусловлены естественными, "прирожденными", чисто человеческими качествами людей, т.е. профессионализмом, трудолюбием (или, наоборот, нерадивостью, ленью), способностью к предпринимательству и вытекающим отсюда различным, но социально оправданным имущественным положением.

Иными словами, действует исторически непреходящий общечеловеческий социально справедливый принцип: от каждого по способностям - каждому по его труду или, проще говоря "каждому свое", т.е. своя "законная" ниша в аграрной структуре. Естественно, неправомерно вести речь о каком-то общем для крестьянства, в том числе российского, менталитете. Тем не менее приверженцы незыблемости традиций, старины, общинного образа жизнедеятельности пытаются конструировать адекватный этому образу неповторимый по своей исключительности и незыблемый на века менталитет российского крестьянства, суть которого по Бердяеву быть "организуемым" в коммунистической или иной форме общины.

Однако менталитет не есть нечто окостенелое, как и конкретные традиции, привычки. Он всюду развивается, трансформируется, качественно меняется, "модифицируется", в том числе под влиянием мирохозяйственных процессов, как бы не напоминалась поэтическая "особая российская стать", которую будто-бы "умом не понять". Но главное в каждый данный исторический момент некий "усредненный" менталитет российского крестьянина дифференцирован. Менталитет ленивого, нерадивого, а потому "бедняка" принципиально отличается от менталитета трудолюбивого, "культурного хозяина", профессионала, предпринимателя, т.е. "организатора", которых в России было и есть достаточно много, чего Н.А.Бердяев хотя из-за границы, но не мог не знать.

В условиях неизбежной (даже в силу "естественных", а тем более экономических факторов) дифференциации обобщенного "среднего" менталитета, "усредненных" в целом для крестьянства интересов и ценностных ориентаций личности принцип (соответственно, менталитет) индивидуализма, будучи приоритетным, в хозяйственной жизни не обязательно является количественно преобладающим. Вопреки философской абстракции будто русским не присуще чувствовать себя организаторами, и их удел быть "организуемыми" на деле были и есть как те, так и другие. Те, кто привержен принципу индивидуализма, праву частной собственности, творческой самостоятельной деятельности относятся к категории сельских организаторов, причем весьма преуспевающих. На них, на сильных делал ставку в своей аграрной реформе П.А.Столыпин. Те, кто не способен к творческой предпринимательской деятельности, кому с его менталитетом более "удобно" в общине или заниматься наемным трудом лучше оставаться "организуемым". На таких, на слабых, неумелых, а потому бедных (и особенно

беднейших) временно (чтобы захватить власть) делали ставку большевики. Да и те в конце концов радикально изменили эту ставку на того же сильного, "культурного" хозяина, признав, что коммуна, как советский прообраз той же примитивной общины "себя не оправдала". Отсюда (точно по Столыпину) с началом НЭПа определилась "опора" на индивидуального, разумеется, старательного, а потому сильного сельского хозяина, на цивилизованные формы добровольной кооперации.

"Организаторов" и в России, и всюду в мире в сельском хозяйстве исторически всегда было меньшинство, но благодаря своему призванию умелому, профессиональному, самостоятельному частному ведению хозяйства именно это меньшинство (до 10 и менее занятых в экономике) успешно решало и решает современные проблемы продовольственной обеспеченности многих стран. Правда, опираясь на разного рода мнения и "опросы" часто утверждают, что сельское большинство против фермерства, против частной собственности, рынка земли, готово довольствоваться прежним статусом, меняя вывески на АО, СХК и т.д., но по своему маргинальному менталитету это как раз те, которые по Салтыкову-Щедрину ждут какого-либо "князя", чтобы их "организовать", чтобы ими "володеть", понукать. А это присуще коллективно-общинным формам хозяйства, где все мое-ничье, где каждый надеется, как бы за него по больше поработал кто-нибудь другой. Именно за такой "менталитет" советскую общину - колхоз В.И.Ленин не зря назвал "богадельней". "Насажденная" силой в массовом масштабе огосударствленная колхозно-совхозная система несмотря на обильную ее подпитку огромными капиталовложениями, почти бесплатными кредитами и другими видами "помощи" показала наглядный пример неэффективности и ресурсорасточительности, безразличия к земле, пассивной мотивации к труду и потому "закономерно" втянулась в глубочайший кризис, вызвавший необходимость реформ.

Но проведение реформ не должно выходить за рамки эволюционного хода и характера преобразований. В социально-экономическом развитии, особенно сильна инерция, в том числе привычка к казарменным порядкам, круговой поруке, социальному иждивенчеству. Человек, десятилетиями проживший в неволе со статусом "организуемого" с трудом адаптируется к свободному образу жизнедеятельности или по своему маргинальному менталитету вообще не воспринимает экономической свободы, тяготея к более "притягательному" для него совместно-ничейному сообществу в форме того же колхоза или совхоза. По этой причине многие новые формы хозяйства сменили лишь название, а действительно новые, по-прежнему крупные, но в которых заработал институт частной собственности и которые в тех же сложных макро-экономических условиях наращивают производство, получают большую прибыль (наглядный пример - хозяйственные результаты предприятий "Клуба АГРО-300").

Это пример как раз из того активного меньшинства, из тех "старательных" хозяев, которые в перспективе, демонстрируя свои достижения и новые методы работы в условиях рынка, будут расширять сферу своей предпринимательской деятельности станут основным элементом новой аграрной структуры. Что касается конкретных форм и размеров хозяйств, то к ним применим термин "многообразие" (что не может относиться к формам собственности, поскольку их существует лишь две: государственная и частная, на базе которых и создается это "многообразие индивидуальных и коллективных типов хозяйств). Что касается преимуществ каждого из этих типов, эффективности их хозяйственной деятельности, то это зависит: 1) от профессионализма и 2) от того, насколько даннный тип хозяйства соответствует конкретным условиям. Одно очевидно: преимущества крупного производства проявляются лишь до определенных его размеров, прежде всего, по площади землевладения и при условии, что это землевладение частное, а не коллективное, т.е. совместно-ничейное.

Одной из приоритетных и перспективных форм частного крупного хозяйства в рыночной аграрной структуре является кооперативная, объединяющая частных владельцев в новые формы "коллективного" хозяйствования, ничего не имеющим общего с традиционными советскими колхозами. Эффективность и приоритетность этих форм доказана многолетней практикой на бывших "российских" территориях Польши, Финляндии, а также соседней с нею Швеции, где сельскохозяйственная кооперация как и во многих других странах мира развивается в соответствии с ее социально-экономической природой и по сути на научных принципах, обоснованных А.В.Чаяновым.

Постепенное вовлечение миллионов российских собственников земли (индивидуальных фермерских и владельцев земельных долей) в действительный процесс кооперации и в проверенные мировой практикой вертикальные кооперативные формы, умножит число "организаторов" и тем самым приведет к новым качественным изменениям в аграрной структуре России. Однако, еще раз повторяем, изменения здесь должны носить эволюционный характер, постепенно, экономически вытесняя из этой структуры производственные (типа колхозов) кооперативы и другие не свойственные мировой сельскохозяйственной практике формы "коллективных" хозяйств.

Что касается приусадебных семейных хозяйств (устаревшее название ЛПХ), представляющих собой важный по масштабам производства (а также эффективности, ресурсосбережению) фактически самостоятельный уклад в современной аграрной структуре, то в перспективе с развитием "оптимально" крупных частных предприятий в сельском хозяйстве роль их будет снижаться вплоть до чисто потребительских, садово-огородных функций. В нынешних переходных условиях пока эта роль весьма существенна с точки зрения и экономической, и социально-психологической. Именно у владельцев "своего" приусадебного семейного хозяйства, на труде которых существовали и сейчас продолжают существовать "сохранившие свой статус" колхозы и совхозы, полностью

реализуется личный интерес как “главный двигатель” производства. Как раз в этой категории хозяйств, начинающих создавать свои кооперативы (Орловская область, Тюменская область и т.д.) молодое поколение получает навыки земледельческого труда, формируется понимание приоритета личного интереса и частной собственности.

Эволюционный, постепенный характер изменений социальной структуры в этих направлениях обусловлен не только чисто “человеческим” фактором, дефицитом “организаторов”, численностью инициативного, предприимчивого меньшинства, но и материальными, экономическими факторами, медленным выходом из аграрного и общего системного кризиса, хотя признаки начала такого выхода, если судить по результатам сельскохозяйственного производства за последние три года очевидны. Позитивные изменения в макроэкономической ситуации открывают новые возможности для расширения и кооперирования фермерского сектора, для более успешной работы различных по размерам, в том числе крупных частных сельхозпредприятий с небольшим числом наемных работников, да и государственных предприятий в сельском хозяйстве, хотя опытом проверена прозорливость ленинского напоминания о “врожденной” человеческой привычке, особенно “организуемых” маргиналов, смотреть “на все казенное как на материал чтобы его злостно попортить”.

Это, разумеется, не означает вообще ликвидации государственных хозяйств, государственной собственности в сельском хозяйстве. Однако эта форма хозяйств, как менее эффективная вследствие отчуждения непосредственного работника от права собственности, в рыночной аграрной структуре приемлема в селекции, племенном и опытном деле, семеноводстве и т.д., но она не может быть и в современном мире не является приоритетной. И как бы не обосновывались необольшевистские схемы на этот счет с самоуверенными претензиями на высокую теорию по поводу преимуществ госхозов для российского сельского хозяйства, в этой области движение назад исключено, если не применять насилие. Сложившуюся долю государственной собственности в земельных угодьях современного сельского хозяйства России как и в бывших странах СЭВ сейчас можно считать оптимальной. Государственное землевладение и землепользование может быть в какой-то мере расширено, но не за счет национализации, а через рыночный механизм: выкуп, ипотеку, аренду частных сельскохозяйственных земель вплоть до принудительных акций, если эти земли не используются или используются не по установленному законом их прямому назначению. Можно, конечно, отбросив логику разума и полагаясь на логику “патриотических” эмоций, надеясь на огосударствление и новую “коллективизацию” земельной собственности включать свои мнения в одобренные или не одобренные “концепции”, но эти надежды напрасны, так как нового реставраторского передела этой собственности не предвидится.

Современные, как их называл Ленин, “косные коммунисты” от аграрной экономической науки, начертавшие на своем теоретическом знамени лозунг: “вперед к вчерашнему дню”, глубокомысленно заключают, что соблюдать в деревне принцип частного владения, индивидуализма - это значит “вести чисто натуральное хозяйство”, копать на своем участке “гряды”[2]. При этом автором таких “обобщений” допускаются голословные выпады в адрес ученых ВИАПИ, как якобы пропагандистов приоритета мелкотоварного производства, “быстрейшего уничтожения” крупных сельскохозяйственных предприятий и т.д.[3]

На самом деле ВИАПИ аргументировано обосновывает место крупных хозяйств в аграрной структуре, ведет их мониторинг, анализ мировых тенденций, а не занимается голым митингованием по поводу их далеко не безусловных “преимуществ”. К тому же формы крупных хозяйств, как и их оптимальные размеры многообразны, поэтому главное и в их анализе - выбор приоритетов.

Во-первых, быть крупным и высокотоварным может быть частное семейное индивидуальное хозяйство, во-вторых, крупное частное хозяйство с небольшим чмслом наемных работников имеет неоспоримые преимущества перед крупным коллективным, с десятками и сотнями занятых, где все мое-ничье, и в-третьих, свои преимущества имеют мелкие индивидуальные семейные хозяйства. При оптимальных для данных условий размерах и в рамках кооперации, последние как правило высокоэффективны.

Разумеется речь идет о вертикальной кооперации, а не производственной, которая в “мировых тенденциях” не проявила себя как раз из-за отсутствия в ее природе “здравого смысла”. Производственные кооперативы в современной России оправданы для условий переходного периода, но не в форме прежнего колхоза, а в форме добровольного тесного сотрудничества собственников имущественных, в т.ч. земельных долей с беспрепятственным правом их выхода из таких кооперативов со своими земельными долями (паевыми взносами), для организации и ведения частного индивидуального хозяйства в системе вертикальных кооперативов, сельскохозяйственных товариществ и других подлинно демократических форм совместной деятельности членов-собственников.

В итоге получается: с какой бы стороны поклонники прошлого, старины (по С.Ю.Витте - старьевщики) не пытались конструировать аграрную структуру по теории “вчерашнего” дня, их реставраторский запал вовлечь в “опробированные” советской системой совместно-ничейные трудовые коллективы крестьян, тем более “культурных хозяев”, бесперспективны. Еще меньше у “старьевщиков” шансов расшатать краеугольный камень, фундамент экономической теории и практики - институт частной собственности и вытекающие из него основополагающие общечеловеческие ценности и интересы к свободной предпринимательской деятельности. Разумеется, эта деятельность должна осуществляться в рамках адекватного “демократического” аграрного законодательства и

целевого, программного использования регулирующих функций государства во всей системе аграрных отношений, преимущественно методами адекватными законам и принципам рыночной экономики.

---

[1] Ильин И.А. О революции. Слово, 1990, № 11, с. 61.

[2] АПК: экономика, управление. 2001 г., № 12. с. 7.

[3] Там же, с. 5.

Назад в раздел

Поделиться...

© «Битрикс», 2001-2006